

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.30>

Миннуллин Бахтияр Кимович

Формы функционирования причастия прошедшего времени в текстах татарской периодической печати начала XX века

Цель исследования заключается в научной разработке вопросов функционирования в текстах татароязычной арабграфической периодической печати начала XX века одной из наиболее распространенных неличных форм глагола - причастия. Научная новизна настоящей статьи обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании в рамках изучения грамматической системы текстов татарской периодической печати межреволюционного периода 1905-1917 гг. проводится исследование функционирования причастий прошедшего времени на примере текстов газет "Борхане тараки", "Вақыт" и "Кояш". В результате проведенного научного анализа нами выявлено, что в текстах исследованных газет, наряду с кыпчакским показателем причастия прошедшего времени на -?ап, соответствующего современному причастию татарского литературного языка на -ган, также зафиксировано функционирование ряда причастных форм, свойственных огузским языкам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 147-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Lexemes with Semantics of Singleness and Primordality in the Kabardino-Circassian Language: Ethnic Specificity and Functional Peculiarities

Bizhiov Boris Chamalovich, Dr
Khezheva Mar'yana Rashadovna, PhD
Institute for the Humanities Research –

Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
bizhiov1952@mail.ru; maryana.khezheva@yandex.ru

The research objective includes identifying functional-semantic features of the lexemes 'зы' (one), 'япэ' (first), 'закъуэ' (single, the only) in the Kabardino-Circassian language. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time in the Kabardino-Circassian linguistics, the authors provide a comprehensive functional-semantic analysis of the culturally valuable numeratives 'зы', 'япэ' and 'закъуэ' from the viewpoint of ethno-linguistics. The findings indicate that in the Kabardino-Circassian language, these lexemes possess both positive and negative meanings, their functional-semantic features are contextually determined.

Key words and phrases: Kabardino-Circassian language; functioning of numeratives; semantics; ethno-linguistics.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.30>

Дата поступления рукописи: 16.09.2020

Цель исследования заключается в научной разработке вопросов функционирования в текстах татароязычной арабографической периодической печати начала XX века одной из наиболее распространенных неличных форм глагола – причастия. **Научная новизна** настоящей статьи обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании в рамках изучения грамматической системы текстов татарской периодической печати межреволюционного периода 1905-1917 гг. проводится исследование функционирования причастий прошедшего времени на примере текстов газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш». **В результате** проведенного научного анализа нами выявлено, что в текстах исследованных газет, наряду с кыпчакским показателем причастия прошедшего времени на -ğan, соответствующего современному причастию татарского литературного языка на -ган, также зафиксировано функционирование ряда причастных форм, свойственных огузским языкам.

Ключевые слова и фразы: старотатарский литературный язык; татарская периодическая печать; язык газеты; грамматическая система; формы причастия прошедшего времени.

Миннуллин Бахтияр Кимович, к. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань
bahtiyar1986@yandex.ru

Формы функционирования причастия прошедшего времени в текстах татарской периодической печати начала XX века

Актуальность темы настоящей научной статьи обусловлена необходимостью исследования грамматических норм языка татароязычной арабографической периодической печати начала XX века, выполнявшей в рассматриваемый период, наряду с художественными произведениями, роль определенной платформы для функционирования старотатарского письменного литературного языка и его дальнейшего преобразования в национальный литературный язык. Благодаря научному изучению текстов письменных памятников рассматриваемого периода, в частности текстов периодической печати, возникает возможность проследить этапы функционирования форм причастий прошедшего времени в диахронии.

Начало XX века в развитии татарского народа определяется как особо бурный период, связанный с ростом национального самосознания в результате определенных общественно-политических и экономических изменений. Именно результатом таких изменений стало и возникновение национальной периодической печати у татар. Эти изменения не могли не отразиться и на лексико-грамматическом строении письменных памятников, созданных на старотатарском литературном языке рассматриваемого периода. Так, тексты татароязычных арабографических органов периодической печати, созданные в межреволюционный период 1905-1917 гг., все еще характеризуются наличием определенного количества традиционных общетюркских лексико-грамматических языковых элементов: усложняются огузским компонентом, вошедшим в употребление через османско-турецкое посредство, характеризуются наличием арабо-персидской лексики – но уже активно пополняются формами татарского народно-разговорного языка и русскоязычной лексикой.

Для достижения указанной выше цели необходимо решить ряд частных **задач**: осуществить научную разработку функционирования форм причастия прошедшего времени в текстах каждой из исследуемых нами газет;

определить органы периодической печати, в текстах которых тот или иной грамматический показатель характеризуется в качестве ядерного и вспомогательного элемента; выявить причины активного употребления либо ограниченного распространения той или иной формы причастия прошедшего времени в текстах каждой из исследуемых нами газет; доказать гипотезу о порядке функционирования форм причастия прошедшего времени посредством введения в текст настоящей научной статьи фактического языкового материала.

В ходе решения приведенных выше задач нами были применены *методы* лингвистического описания, генетического отождествления установленных фактов, а также методы сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретической базой исследования послужили такие академические труды, как «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология» [9], «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология» [18], «Татар грамматикасы» [19], «Татар эдэби теле тарихы (XIII – XX йөз башы)» [20], а также труды таких ученых-языковедов, как А. Н. Кононов [10], Э. Н. Наджип [16], Э. А. Грунина [6], Ф. Ю. Юсупов [22], И. Б. Баширова [4] и др.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что исследовательский инструмент, выработанный в рамках изучения фактического материала, может быть использован в дальнейшем при научном анализе грамматической системы текстов периодической печати, а также в научных трудах по истории татарского литературного языка и при разработке исторической грамматики татарского языка. Кроме того, работа может быть использована в вузовской преподавательской практике в ходе изучения истории татарского литературного языка либо истории формирования и развития языка татарской периодической печати начала XX века.

Причастие прошедшего времени в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» представлено рядом форм, среди которых обнаруживаются элементы, характерные для кыпчакских и огузских языков. Так, наиболее активно в рассматриваемых текстах обнаруживается форма причастия прошедшего времени на *-ğan*, функционирующая в кыпчакских языках, в частности, в современном татарском литературном языке в форме на *-ган*. Кроме того, в текстах газет обнаруживается форма на *-муş*, а также менее активно – формы на *-an*, *-dyq* и на *-maqda ulan (bulğan)*, характерные для огузских языков. Функционирование формы на *-ğan* в текстах газет не имеет принципиального отличия от ее употребления в рамках современного татарского литературного языка, поэтому больший научный интерес у нас вызывает функционирование других указанных выше грамматических показателей. Следовательно, далее рассмотрим употребление в текстах исследуемых нами газет форм причастия прошедшего времени на *-муş* и на *-an*.

Форма на *-муş*, по сравнению с формой на *-ğan*, в текстах газет получила менее широкое распространение. Так, наиболее активно данная форма употребляется в текстах газеты «Борхане таракки», а в текстах газеты «Вақыт» ее функционирование крайне нерегулярное. В газете «Кояш» рассматриваемая форма имеет крайне низкую активность. В текстах всех исследуемых нами газет, где встречается форма на *-муş*, обнаруживаются грамматические и лексические особенности, характерные для языков огузской группы, в частности османско-турецкого языка рассматриваемого периода. Данный факт объясняется тем, что форма на *-муş* входит в число первичных признаков, составляющих характеристику западноогузских языков [6, с. 131].

На сегодняшний день форма причастия прошедшего времени на *-муş* не функционирует в грамматической системе татарского литературного языка, а в его говорах имеет крайне ограниченное употребление [22, с. 111]. Вплоть до первой четверти XX века, наряду с формой причастия прошедшего времени на *-ğan*, рассматриваемая форма регулярно обнаруживается как в текстах тюрко-татарских, так и старотатарских письменных памятников [20, б. 179, 744].

В текстах исследуемых нами газет временное значение причастия прошедшего времени на *-муş*, в отличие от форм на *-an* и на *-dyq*, является абсолютным, оно независимо от времени действия, выраженного глаголом личной формы. В исследуемых нами текстах форма на *-муş*, как правило, употребляется в атрибутивном значении и служит определением к словам, выражающим значение субъекта или объекта действия: *Orenburg okrugyndağy mäğäriř mämlurlary häzer möselman mäktäblärenä 31 nçe martda mäğäriř ministriy tarafyndan tasdyjyq qylynmıyş jaña pravilalarnı kertmäk ilän mäşğüllär* [5]. / 'Работники образования Оренбургского округа сейчас заняты внедрением в мусульманские школы новых правил, **утвержденных** 31 марта министром образования' (здесь и далее перевод автора статьи. – Б. М.); *Iske tarixymuşığa ğaid ularaq rusça jazylmyş ni qadär äsär var isa cömläsenä tärcemä wä näşer itmäk lazemder* [2]. / 'Каждое произведение о нашей истории, **написанное** на русском языке, должно быть переведено и опубликовано'; *Bugen bu mäclesdä mözakäräjä qunylmyş mäktäb wä mädräsälärenä islaxı mäsläse 20, 30 sänä qadär durmadan söjlände, jazylıdy, faqat bunlar häb käğydda, ğazätä sötinlärendä qaldı* [11]. / '**Поставленная** сегодня на обсуждение проблема реформирования школ и медресе непрерывно обсуждалась, публиковалась на протяжении 20-30 лет, однако все это так и осталось на бумаге, в газетных колонках'.

В атрибутивной функции рассматриваемая форма может являться определением к словам, выражающим состояние: *Bijek Piter zamanında Rusijä, Moskva ätrafına tämamilä cyjylmyş, nuğajmyş ber häldä ide* [17]. / 'Во времена Великого Петра Россия была сконцентрирована вокруг Москвы и находилась в **окрепшем** состоянии'.

Как показывает пример, приведенный из газеты «Кояш», в языковом плане текст данной статьи выпадает из общей картины лексико-грамматического построения текстов указанной газеты. На фоне преобладающего большинства остальных текстов, опубликованных в газете, создавая вариативность нормы письменного

татарского литературного языка рассматриваемого периода за счет употребления лексических (*mözakärä* ‘обсуждение’, *sänä* ‘год’, *durmadan* ‘непрерывно’, *häh* ‘все, весь’, *kägyd* ‘бумага’, *ğazätä* ‘газета’, *sötün* ‘колонка’, *para* ‘деньги’ и т.д.) и грамматических (*mözakäräjü*, *mädräsälärej*, *durmadan*, *çyqarylan* и т.д.) элементов, характерных для огузских языков, в частности османско-турецкого литературного языка начала XX века, рассматриваемый текст воспринимается в качестве исключения. Данный факт подчеркивает важность языковых предпочтений автора конкретного текста в вопросе формирования его лексико-грамматической и стилистической системы.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-muş* образуется при помощи соответствующей частицы *-ma/-mä*, которая присоединяется к основе глагола. В целом данная форма обнаруживается в текстах рассматриваемых газет редко. Чаще всего она встречается в текстах газеты «Борхане таракки»: *Hiçber xyjalğa kilmümeş Borhan Täräqyj gazetasy mäjdänğa çyqdy* [7]. / ‘Даже не **бывшая** объектом наших мечтаний, появилась газета «Борхане таракки»’.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживается спорадическое функционирование формы причастия прошедшего времени на *-an*. Данная форма определяется в качестве огузского аналога кыпчакской формы на *-ğan* [6, с. 131] и, по мнению ряда тюркологов, представляет собой результат упрощения первоначальной формы на *-ğan* [18, с. 453]. Форма на *-an* не характерна ни для современного татарского литературного языка, ни для его диалектов. Учитывая тот факт, что она в целом нехарактерна для кыпчакских языков, можно предположить, что форма на *-an* вошла в старотатарский литературный язык начала XX века и в язык татарской периодической печати рассматриваемого периода, в частности, под влиянием османско-турецкого литературного языка. На регулярной основе, являясь ядерным элементом грамматической системы, форма на *-an* функционирует лишь в текстах газеты «Борхане таракки». Отличительной чертой употребления данной формы является тот факт, что она наиболее активна в паре с глаголом *ul*, *bul* ‘будь’.

В преобладающем большинстве случаев рассматриваемая форма выражает постоянный признак предмета либо лица, не привязанный к конкретному временному отрезку: *Adäm balasy här waqyt üzenej xäjätene, wä xäjätenej ruxy ulan xoquq mädnijäsene üze saqlamaq öçen tyryşmağa buryçlydyr* [21]. / ‘Человек обязан всегда стараться сохранить свою жизнь и **являющуюся** основой его жизни правовую культуру’; *Uquçy äfändelärne ğaibanä mäsrur idäçäk ber cähät var isä o da Boxaranyj iske ğadäte ulan xajvanlarny ğaryz ändam idmäkder* [3]. / ‘Если и существует хоть один способ заранее поднять настроение товарищам учащимся, то, согласно **существовавшей** старой бухарской традиции, это – изготовление статуй животных’; *Adäm ulmaq istäjän ävlad milät istifadä idä belsen* [11]. / ‘Потомок, **пожелавший** стать человеком, должен уметь создавать нацию’.

В текстах всех исследуемых нами газет форма на *-an*, как правило, употребляется в атрибутивной функции и обозначает субъект действия: *...veja başqa iğanädä bulynmaq istäjän kemsälär* [7]. / ‘...или люди, желающие делать другие пожертвования’; *Şul program mädräsäneñ saxiby ulan Äxmäd baj wä mädräsä idaräse tarafyndan qabul iteleb ğamälgä qujyldy* [14]. / ‘Эта программа была принята Ахмедом баем, **являвшимся** хозяином медресе, и руководством медресе, после чего она вступила в силу’.

Также в текстах газеты в атрибутивной функции рассматриваемая форма может обозначать объект действия: *Binaän ğäläjhü bu kiçä çärşänbä kiçäse ğotum möninin xaqynda ber şäp ğafu wä räxmät ulan Läjläi möbarai qaderder* [12]. / ‘Таким образом, этот вечер среды, являющийся Вечером почтения, – хороший повод для молитв **просивших** о прощении и благодарении всех мусульман’; *Hämä xalyqlarnyñ mäktäblärendä rus tele uqytyluny wä buña hämäse öçen möstiräk ulan xökümät tele dib qaralu lazem küreläder* [8]. / ‘Считается должным преподавание русского языка во всех национальных школах и восприятие его в качестве государственного языка, **являвшегося** посредническим звеном’; *Çyqarylan paranyñ lazem järlärä saryf idelmäse julyny düšenälem* [11]. / ‘Давайте продумаем пути расходования **выделенных** денег в нуждающихся сферах’.

В текстах обнаруживаются причастия прошедшего времени в форме на *-an*, обозначающие место действия: *Bez möselman küb ulan jirlärdä wäkil ulmağa laiq ulan keşemez var isä möselmandan sajlamağa tyryşamyz* [15]. / ‘Если в местах, где много **проживавших** мусульман, был человек, достойный стать представителем, мы старались выбирать из мусульман’; *Bezem milätneñ mondayn möhlik ulan qabaxät julğa kerüeneñ säbäbläre tizräk möhakämä qylynyb tijeşle çaralar kürelsen ide* [1]. / ‘Хотелось бы, чтобы причины падения нашей нации в **бывшее** унижительное положение были бы устранены’.

В текстах исследуемых нами газет субстантивированные причастия на *-an* обнаруживаются крайне редко: *...Matbuğatdan mäxrüm ulan mäsil mesken biçara* [13]. / ‘...пример несчастного бедняги – человек, **лишенный** периодической печати’.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-an* в текстах исследуемых нами газет имеет ограниченное распространение. Она образуется при помощи отрицательной частицы *-my-j/-mi-j*: *Eçendä läjläi qader bulynmyjan aj* [12]... / ‘Месяц, в котором нет Вечера почтения...’.

Как было отмечено выше, наиболее активно рассматриваемая форма функционирует в текстах газеты «Борхане таракки». При этом она является формой, характерной для тюркских языков огузской группы. Как показывают приведенные примеры, преобладающее большинство текстов исследуемых нами газет, в которых наблюдается употребление причастия на *-an*, характеризуются наличием и других грамматических (*xäjätene* ‘жизнь’, *mädnijäsene* ‘культура’, *düşenälem* ‘давайте подумаем’ и т.д.) и лексических (*ävlad* ‘ребенок’, *istifadä* ‘пользование’, *istämäk* ‘хотеть’, *para* ‘деньги’, *lazem* ‘нужно’ и т.д.) элементов, характерных для огузских языков и османско-турецкого литературного языка начала XX века, в частности.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Как видно из приведенного материала, причастие прошедшего времени в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» представлено рядом форм, среди которых обнаруживаются элементы, характерные для кыпчакских и огузских языков. В плане употребления форм причастий, характерных для огузских языков, в частности форм на *-туџ* и *-ап*, особенно отличается грамматическая система газеты «Борхане таракки». С одной стороны, это объясняется отдаленностью Астрахани, где издавалась указанная газета, от духовного и национального центра татар – Казани. Кроме того, Астрахань начала XX века характеризуется в качестве территории, где пересекались разные тюркские народы, что могло иметь влияние и на развитие языка местного татарского населения в плане склонности к употреблению традиционных общетюркских языковых форм. В частности, нельзя исключать влияния на язык местного татароязычного населения, а следовательно, и на язык газеты «Борхане таракки» южного диалекта крымско-татарского языка, а также османско-турецкого языка через крымско-татарское посредство. Немаловажным является и хронологический фактор, согласно которому газета «Борхане таракки» (1906-1911 гг.) издавалась в первое десятилетие XX века, тогда как большее количество номеров газеты «Вақыт» (1906-1918 гг.) было издано во второе десятилетие XX века, а газета «Кояш» (1912-1918 гг.) и вовсе издавалась только во втором десятилетии прошлого столетия, когда в рамках старотатарского литературного языка происходит постепенный переход от употребления традиционных общетюркских и огузских языковых элементов в пользу более активного использования народно-разговорных языковых форм.

Дальнейшие исследования по данной теме могут быть соотнесены с изучением грамматического строя татароязычной периодической печати послереволюционного периода. В рамках такого научного изыскания существует возможность установить развитие грамматического построения текстов татарской периодической печати первой половины XX века в диахроническом аспекте в рамках изменившейся общественно-политической ситуации.

Список источников

1. Башкортлар вә маскаралар // Вақыт. 1912. Беренче март.
2. Болгар хәрабәләре һәм борынғы болгарлар // Вақыт. 1908. Унтугызынчы июнь.
3. Бохара әхвалендән // Вақыт. 1910. Егерме өченче март.
4. Бәширова И. Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык. Казан: Алма-Лит, 2008. 340 б.
5. Газеталардан // Борхане таракки. 1906. Унөченче ноябрь.
6. Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. 223 с.
7. Дәрел Әдәбдә сөйләнгән нотык // Борхане таракки. 1906. Егерменче октябрь.
8. Ибтидаи тәгълим // Вақыт. 1909. Утыз беренче гыйнвар.
9. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология / под общ. ред. чл.-кор. АН СССР Н. К. Дмитриева. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 336 с.
10. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
11. Кырым ыдар руханиясендә мөһим мөшәввә мәжлесә // Кояш. 1906. Алтынчы март.
12. Ләйләи кадер // Борхане таракки. 1906. Утыз беренче октябрь.
13. Матбугат // Борхане таракки. 1906. Беренче октябрь.
14. Мәдрәсә Хөсәениянең програмы // Вақыт. 1909. Унсигезенче июль.
15. Мөселманларның иң кирәкле нәрсәләре // Борхане таракки. 1906. Дүртенче октябрь.
16. Наджиб Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1965. 94 с.
17. Полтава мөхәрәбәсе // Вақыт. 1909. Икенче июль.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 557 с.
19. Татар грамматикасы: III томда / баш. ред. М. З. Зәкиев. Казан: ТӘҺСИ, 2016. Т. II. 432 б.
20. Татар әдәби теле тарихы (XIII – XX йөз башы). Морфология. Грамматик категорияләрең структур-субстанциональ үзгәргән һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык: III томда / фән. ред. Х. М. Хисамова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. II. 888 б.
21. Хәят – тереклек саклау // Борхане таракки. 1906. Утызынчы ноябрь.
22. Юсупов Ф. Ю. Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола. Казань: ФЭН, 2004. 592 с.

Past Participle Functioning in Texts of the Tatar Periodicals of the Early XX Century

Minnullin Bakhtiyar Kimovitch, PhD

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
bahtiyar1986@yandex.ru

The paper considers the problem of functioning of Past Participle, one of the most frequent non-personal verb forms, in journalistic texts of the early XX century written in the Tatar language using the Arabic script. Scientific originality of the research is conditioned by the fact that for the first time in the Tatar linguistics, within the framework of studying grammatical peculiarities of the Tatar journalistic texts of the inter-revolutionary period (1905-1917), the author examines functioning of Past Participle by the example of “Борхане таракки”, “Вақыт” and “Кояш” newspapers. The conducted analysis allows concluding that newspaper texts under study contain Past Participle forms on *-ğan* (the modern Tatar *-ған*) typical of the Kipchak language, as well as Past Participle forms typical of the Oghuz languages.

Key words and phrases: Old Tatar literary language; Tatar periodicals; newspaper language; grammatical system; Past Participle forms.